

ТАМАРА КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО

НАД ТЬМОЙ И СМЕРТЬЮ —
СВЕТ ПОБЕДЫ...

ЖИЗНЬ

Мы друг о друга стираем весь век свои души,
Как жернова, превращая зерно в муку,
Жизнь перемелет нас так, что и смерти скучно
Станет нас мучать... Она заберёт тоску,

Боль и отчаянье наше — одним мгновеньем.
Что с нами нянькаться... Жизнь укротила прыть.
Господи, Боже, мне стыдно просить прощенья:
Я не умею смирить своей жажды жить.

Щедро мы сыплем свой бисер на тропы стада,
Странно надеясь увидеть во взглядах — свет.
Господи, Боже! Ну, что ещё больше надо
Сделать нам, смертным, чтоб мы оценили смерть?

КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО (Гусаченко) Тамара Ивановна родилась в деревне Щепатино Брянской области Брасовского района. Поэт, прозаик, публицист, детский писатель. Автор множества книг и многочисленных публикаций в литературных журналах и СМИ Беларуси, России, Украины, Латвии, Северной Осетии и др. Лауреат международных литературных премий: Симеона Полоцкого, "Прохоровское поле", всероссийской литературной премии "Русский путь" им. Ф. И. Тютчева и пр. Автор гимна города Витебска. Член правления Союза писателей Союзного государства и Союза писателей Беларуси, член Союза писателей России. С 2005 года — председатель Витебского областного отделения ОО "Союз писателей Беларуси". Живёт и работает в Витебске.

Только... в глаза заглянула мне нынче утром
Кроха — младенец, родившийся в мир живой...
Я содрогнулась: какая во взгляде мудрость!
Мне и вовек не достичь глубины такой.

СТЕНА

Господь нас простит, милосердье не знает границ.
Но сами себя... Мы не все себя сами прощаем.
Легко тем, кто вовсе не знает падения ниц,
Мятежного духа страданья без меры, без края...

Нас всех разделяет стена, как незримая нить:
Одним — лепетать и порхать, веселиться, смеяться.
Другим — будто призванным лёгкость их дней оплатить,
Тащить тяжкий воз, всё осмыслив, бороться, метаться...

И те, и другие уйдут... И под шелест листвы
И птиц беззаботное пение в вечном покое
И там успокоятся те, кто себя не простил,
И те, кто и вовсе не ведал, что это такое...

АВЕЛЬ И КАИН

— Я Каин,
я Каин,
откликнись же, Авель,
пришло моё время,
мой час — моя смерть.
Ищу тебя, Авель,
ведь ты ж меня слышишь?
Не мог, не простив меня,
ты умереть.
Ты брат мой... брат Авель,
ты Богом любимый.
Ты добр и наивен,
ты можешь прощать...
Ищу тебя, Авель,
я Каин, я Каин,
откликнись в тумане,
нет сил уж кричать!
И нет мне прощенья,
но ты же Безвинный.
А кто же ещё меня
может простить?
— Я Авель...
я Авель,
давно уже слышу
твой плач и рыданья,
все крики тоски.
Как тщетно искал ты
в степи покаянья!
Там, где ты убил меня,
тяжки пески...
И ноги, и грудь мне
сдавила пустыня...
Простил бы тебя я
в неравной борьбе,

да встать не могу я...
Но плачу, внимая,
и слышу, и знаю,
как горько тебе!
Как холодно, брат мой,
как невыносимо,
ходить без прощенья
у кровных могил...
Родной мой, любимый,
где кровь — там отмщенье,
нет доли страшнее,
нет муки сильнее,
но ты же убил...
Безбожник не знает,
какое страданье —
жить без покаянья,
а я бы простил...
Но нет меня, Каин.
Я Авель...
— Я Каин...
Навек неразлучны
в столетиях — рядом
звучат имена:
два кровных,
два брата...
Один — убиенный,
другой — непрощённый...
И пропасть меж ними
уже не видна.
— Я — Каин...
— Я — Авель...

ДЕВЯСИЛ

Мелькнула красным сарафаном,
Безмолвьем звонким изошла
И недвусмысленным обманом
Листом по речке уплыла.
Я у-плы-ва-ла... Отражала
Вода небес высокий звон,
А душу нежно так держала
Зов-песня, взявшая в полон.

А я плыла по той холодной,
По той извечно-ледяной,
По неизбежной, по свободной
Воде свинцовой, но — живой.
Я капля вечная в потоке,
Необратима, как река.
— Откуда? — спросишь. — От истока...
— Куда? — Ты знаешь... Высока,
Ах, высока моя тоска.

И наливалась в чаше осень,
И уплывала по воде,
И рисовалась неба просинь
По тёмной облачной гряде.
И таял свет — святой, небесной,
Нездешней, дивной красоты,

И уставал пастух небесный
Гнать звёздный клин из высоты...

И пада... падали туманы,
И волочились по полям,
И сизо-белые бурьяны,
Фатой окутаны, стояли
В плену обочин, рвов и ям...
И звук висел, как меч искристый,
Над чистой скатертью полей,
Принарядившихся к Пречистой...

А кто-то звал из тьмы далёкой,
И кто-то звать не уставал,
И голос странный и высокой,
Мне был, как путь — за перевал.
За перевал, где не изведан,
Высок и яростен — живёт
Над тьмой и смертью — свет Победы,
Огнём любви меня зовёт!

Я нарисую, нарисую
Свой сон поутру, как проснусь,
Стену лесов, как дождь, густую,
Как пью я, пью и не напьюсь...
О чистоте всегда молила,
И там — сокрытый образ плыл:
Бог, Бог величия и силы —
Он всё, что вижу, сотворил.

И тот подсолнух в огороде,
Который детство осветил,
Как солнце... А ещё в народе
Есть вера в корень девясил,
В котором девять сил... А боле
Не надо, хватит девяти...
Всей человеческою долей
До девяти бы дорасти...

Встаёт огромная стена,
Но я её перелетаю.
Путь преграждают плиты сна,
Гнать звёздный клин из высоты...
Я их легко преодолеваю.
Перелетаю, мне легко.
Не тянет грех сопротивленья,
Лечу свободно, высоко,
Ни страха нет и ни сомненья.

А вот и небо, и весна,
И снег — смешались под ногами,
Свобода сна и воля сна,
Она — прекрасная пред нами.
Здесь можно всё, и волен дух,
Воображением рисую
Не страх, не плач седых старух,
Нет! Жизнь рисую молодую,
Такую юную — смотри,
Такую и живу. Внутри.